

Жизнь великих композиторов

О.И. Аверьянова

Модест Петрович

МУСОРГСКИЙ

МУЗЫКА

**ГАММА
ПРЕСС**

УДК 78.071.1
ББК 85.313(2)
А19

Аверьянова, О. И.

А19 Модест Петрович Мусоргский / О. И. Аверьянова. — Москва : Музыка, ГАММА-ПРЕСС. — 240 с. : ил. — (Жизнь великих композиторов).

ISBN 978-5-7140-1425-3 (Музыка)

ISBN 978-5-9612-0080-5 (ГАММА-ПРЕСС)

Книга повествует о гениальном русском композиторе второй половины XIX века. Её главным биографическим источником является литературное наследие Мусоргского — письма, документы, авторские тексты вокальных произведений. Эти ценнейшие автобиографические материалы дополнены фрагментами статей, воспоминаний, переписки современников, дружеские связи с которыми композитор высоко ценил и всегда к ним стремился.

В книге рассказывается о формировании творческой личности художника, его эстетических взглядах, радикальных новаторских устремлениях, продиктованных жизнью, «не терпящей предвзятых форм», о неоднозначности восприятия его искусства даже очень близкими соратниками. В доступной форме довольно подробно рассматриваются произведения, в том числе и незаконченные. Книга содержит много иллюстраций, цитируемых материалов. Личность композитора предстаёт на обширном социально-общественном и художественном пространстве русской жизни 60–70-годов XIX века.

Книга адресована широкому кругу любителей музыки.

ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-7140-1425-3

ISBN 978-5-9612-0080-5

© Издательство «Музыка», 2024

© Издательство «ГАММА-ПРЕСС», 2024

Крест на себя наложил я и с поднятою головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадою и его горем и страдою.

М. Мусоргский

ТРИУМФ

Январские морозы суровы, пробирают крепко, а ночью — особенно. Выходить из театра не хотелось, но Модест торопится уйти в темноту подальше от шумной разноголосицы покидающей театр публики. Не нужны сейчас ему попутчики, нежелательны даже самые близкие друзья, их восторженные поздравления. Хочется в одиночестве ещё раз пережить волнение и радость триумфа на Императорской сцене выстраданного любимого детища. В ушах не стихает шум оваций, приветственных возгласов, восторженных криков «Браво!!!». В пёстрый клубок смешались впечатления от спектакля, от великолепного мастерства артистов, от разговоров, от подслушанных невольно диалогов, доброжелательных и не очень. Да, это успех. Несомненный, потрясающий, сложный, многоликий. Так и должно быть, настоящее искусство всегда вызывает бурную реакцию, яростные споры, а в том, что опера «Борис Годунов» — явление в нашей музыкальной жизни выдающееся, неординарное, Модест несколько не сомневается, и не потому, что одержим манией величия и полон самомнения, как об этом иронически подчас рассуждает Цезарь Кюи. «Мы чересчур строги к себе», — размышляет Мусоргский. С усмешкой воспринимает реплики, подобные той, что услышал от одной дамы, державшей, между прочим, платок у глаз после сцены смерти царя Бориса в Грановитой палате: «Какая это опера, здесь музыки нет никакой, — вещала дама, — да я, признаться сказать, всё время со сцены глаз не спускала. Как восхитительно

играет Мельников, до сих пор каждое его слово звучит у меня в ушах!» А звучало *каждое* слово, потому что озвучивала его именно *музыка*, которую, выходя из всех пазов вон по свойству своего таланта, как говорил об авторе В. В. Стасов, создавал наперекор традициям оперного спектакля Модест Петрович Мусоргский. «Я старался по возможности ярче очерчивать те перемены интонации, которые являются в действующих лицах даже от самых незначительных слов», — размышляет композитор. «Мне кажется, я достиг того, что мои действующие лица говорят на сцене, как говорят живые люди, но при этом так, что характер и сила интонации, поддерживаемые оркестром, составляющим музыкальную канву их говора, рожают высокий художественный результат. Я рад тому, что артисты осознали это, восхитились музыкой, которая не оскорбляла их слух и вкус „сплошной шероховатостью“, в отличие от некоторых горе-критиков (представляю, что они в своих рецензиях напишут!). Я счастлив, что они создали на сцене яркие, впечатляющие образы, которые даже „при отсутствии музыки“ (!!!) столь сильно воздействуют на слушателей. Иван Александрович Мельников — *Борис Годунов*, Юлия Фёдоровна Платонова — *Марина Мнишек*, великолепнейший, бесподобный Осип Афанасьевич Петров в роли *Варлаама* — их музыкальным и сценическим искусством можно восхищаться бесконечно».

Мусоргский вспоминает, как сегодня, в день премьеры «Бориса Годунова» перед началом спектакля подарил Юлии Фёдоровне свой портрет с надписью, в которой называет её именем героини оперы: «Моя прелестная и всегда дорогая мне Марина Юрьевна, возьмите изображение Модеста Мусоргского на память о первой репетиции оперы „Борис Годунов“». Так хотелось вместе с портретом вручить артистке настоящий, богатый подарок, ведь именно благодаря воистину героическим усилиям Платоновой в её бенефис 27 января 1874 года на Императорской сцене состоялся долгожданный спектакль. Но чиновник Лесного департамента Министерства государственных имуществ, каковым в чине надворного советника является Мусоргский, располагает весьма скромными средствами. Так что и Осипу Афанасьевичу

Петрову с его супругой Анной Яковлевной — «Вам, дорогим моим и славным» — он, «благодарное дитя искусства», преподносит «всего лишь» вышедший из печати накануне спектакля клавираусцуг оперы «Борис Годунов» для пения с фортепиано.

Мороз пробирает всё крепче. Модест прячет лицо в меховой воротник шубы, ускоряет шаг, но вдруг невольно останавливается и прислушивается... Вдалеке раздались голоса:

— Ну, что, братцы, повеличаем боярина — Борисова воеводу по уставу, да как положено. Серёга, Пётр, начинайте!

Не сокол летит по поднебесью,
Не борзый конь мчится по полю.
Сиднем сидит бояринушка,
Думу думает —

истово поют дуэтом запевалы.

Слава боярину,
Слава Борису!

Вслед грянул хор молодых голосов. Мусоргский усмехнулся.

— Ишь, черти! С ходу песню запомнили да и распевают ладно. Поют, видно, где-то на подходе к Литейному мосту возле перехода на Выборгскую сторону. Из театра молодёжь возвращается.

А «черти», не жалея глоток (так Пристав народу в опере повелел!), заводят жалостливо, с надрывом новую песню: «На кого ты нас покидаешь, отец наш!», но тут же перескакивают на буйную, да с лихими перестуками:

Ой ты, сила, силушка,
Ой ты, сила бедовая!

Модест припоминает, как восхищался Владимир Васильевич Стасов изображением народа в его опере, говорил, что оно «является тут в таких формах правды и реальности, каких никто ещё до него не пробовал». А ещё утверждал при этом: «Такую близость к действительности, какую мы находим у Мусоргского в музыке, можно найти только в лучших народных картинах Гоголя и Островского. В этих сценах Мусоргский решительно равен им». Восхищался Стасов и тем, «какая глубоко правдивая русская речь у всех этих Митюх, Фомок, Епифанов, юродивых

Иванычей, Афимий, корчмарок, мальчишек-сорванцов и десятков безымянных личностей! Такие русские интонации голоса!» Что ж, размышляет Модест, «сравнение с Гоголем и Островским весьма для меня лестно и почётно. А звук родной струны я почувствовал рано, не зря ведь с детских лет песенками искушаться изволил, подмечал баб характерных и мужичков типичных. Сколько свежих, нетронутых искусством сторон кишит в русской натуре, ох сколько! И каких сочных, славных!.. Всё сие мне пригодится. Даст Бог жизни, устремлюсь к новым берегам! Бесстрашно сквозь бурю, мели и подводные камни к новым берегам!»

Вхождение в таинство народной жизни с её историей, поверьями, песнями, природой началось с момента рождения в деревенской глуши, в заповедной Псковской земле. С неё и поведём рассказ о непростой драматической судьбе уникального гения русской музыки Модеста Петровича Мусоргского.

КАРЕВО

Детские годы (1839–1849)

В стародавние времена на Псковской земле недалеко от границы с Литвой на берегу Жижицкого озера стоял город Жижиц. К XIX веку память о нём сохранили только древняя летопись да ещё крепостной вал на полуострове.

Ныне же в этих местах располагалось село Карево — родина Модеста Петровича Мусоргского. О его рождении в 1839 году сообщает запись в метрической книге Торопецкого уезда Псковской губернии погоста Пошивкина: «...родился 9-го, крещён 13-го числа марта месяца Модест. Родители его — сельца Карева отставной помещик коллежский секретарь Пётр Алексеев Мусирской и законная жена его, помещика — губернского секретаря Ивана Чирикова дочь Юлия Ивановна, оба православного исповедания».

Жижицкое озеро

Написание фамилии в документе отличается от современного. Её вообще писали по-разному (Мусорской, Мусерский, Мусарский, Мусорский), а в начале 1860-х композитор закрепил существующий в настоящее время вариант — Мусоргский, и, очевидно, не случайно. Ведь один из его предков, Роман Васильевич Монастырёв, живший в XV веке, получил прозвище «Мусорга». «Мусургос» в переводе с греческого означает «певец, музыкант, композитор». Судя по этому прозвищу, он был сочинителем музыки, в те времена — духовных песнопений. Этот «музыкальный» вариант фамилии и вошёл в историю рода как основной.

В «Автобиографической записке», которую Мусоргский написал за девять месяцев до кончины, он называет себя: «сын старинной русской семьи (боярин)». Род действительно очень старинный: Модест по отцу — прямой потомок легендарного князя Рюрика в 33-м поколении. Среди его дальних предков — князья, воеводы, бояре, патриарший стольник, стряпчие, награждавшиеся землями за верное служение царю. Так, в 1572 году «испомещён на Луках Великих боярин Макар Ляпунов Мусорский». Иван, Макаров сын, в 1602 году жалован помещьем в Лужском

уезде «за храбрость в Польскую и Литовскую войну» при Борисе Годунове. А при царе Алексее Михайловиче в 1670 году прапрапрадеду композитора Михаилу за ратную (военную) службу даровано было «сельцо Алексеевское над озером Жисцома, ныне слывёт Карево». Военными были прадед Григорий и дед Алексей Григорьевич. По линии матери, урождённой Чириковой, Модест являлся дальним родственником знаменитого русского фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова.

Однако были у композитора и другие предки. Модест называл себя чиновником, «явившимся по крови через соединение крепостной с аристократом-помещиком». Его дед, Алексей Григорьевич (1758–1826), офицер лейб-гвардии Преображенского полка, выйдя 29-ти лет в отставку, поселился в Кареве, где сошёлся, а впоследствии в 1818 году обвенчался с крепостной крестьянкой Ириной (Ариной) Егоровной Ивановой. Его дети, рожденные в семье до брака, — сын Пётр (отец композитора, 1798–1853), дочери Надежда и Олимпиада — Императорским указом от 9 мая 1820 года были признаны законнорождёнными, а сам Алексей Григорьевич и его сын Пётр Алексеевич в разные годы возведены в дворянское сословие. Пётр, смолоду служивший губернским секретарём в Петербурге, затем в Торопце, по смерти отца в 1826 году удалился в поместье Карево, где и женился два года спустя на Юлии Ивановне Чириковой, дочери губернского секретаря, помещика Ивана Чирикова из усадьбы Наумово, что в полутора верстах от Карево.

Близкими родственниками среди крепостных крестьян Мусоргский всю жизнь гордился не менее, чем знатными предками. «В отроческих и юношеских годах, а также в зрелом возрасте брат Модест всегда относился ко всему народному и крестьянскому с особенной любовью и считал русского мужика *настоящим* человеком», — писал впоследствии Филарет Мусоргский, старший брат Модеста.

Братьев в семье было двое. Два других мальчика умерли в младенчестве до рождения Филарета и Модеста. Поэтому родители, желая уберечь младших детей от коварной судьбы, «спрятали» их, дав каждому по второму имени. Так, Филарет стал Евгени-

ем с домашним прозвищем Китó, а Модест — Николаем, но именем этим он никогда не пользовался.

Сведений о детских годах Мусоргского, проведённых в Кареве, сохранилось мало. В «Автобиографической записке» он пишет о них очень лаконично. Но творческая память хранила их всю жизнь и впоследствии постепенно «расшифровывала» в письмах, музыкальных произведениях.

Модест рос в деревенском поместье на древней псков-

С братом Филаретом (1858)

ской земле, которая даже в нашем индустриальном XXI веке ещё сохраняет свою первозданную красоту, пробуждая память о событиях и легендах стародавних времён. Чуткая душа мальчика запечатлевала бескрайние просторы озёрного края с его островками, лесами и перелесками. «Как меня тянуло и тянет к этим родным полям», — напишет Мусоргский впоследствии. И, возможно, поэтичный «Рассвет на Москве-реке» — оркестровое вступление к музыкальной драме «Хованщина» — был навеян воспоминаниями о восходе солнца над Жíжицким озером, об утреннем колокольном перезвоне, разносившемся над близлежащими сёлами Карево, Полутино, Пошивкино, Наумово, где провёл первые десять детских лет Модест. В будущем, живя в Петербурге, он каждый год стремился в родные места, в столь близкую и любимую им деревенскую жизнь.

Няня рассказывает мальчику русские сказки... Именно с этого начинаются воспоминания в «Автобиографической записке»: «Под непосредственным влиянием няни близко ознакомился с русскими сказками». Под их воздействием, вспоминал Мусоргский,

Дом в Наумове, имении Чирковых
(ныне — Дом-музей М. П. Мусоргского)

он испытывал «сильное влечение к поэтической фантазии и не раз, бывало, от них не спал по ночам». «Это ознакомление с духом рус[ской] нар[одной] жиз[ни] было главным импульсом музыкальных импровизаций до начала ознакомления ещё с самыми элементарными правилами игры на фортепиано». Кстати, знакомство с этими правилами началось уже в 4-летнем возрасте. Так что «дух русской народной жизни» входил в сознание и душу мальчика очень рано. Нянька, а также бабка-крестьянка Ирина Егоровна приобщали его к глубинным народным основам с младенчества, и «от этого, — говорил Мусоргский, — родилась страсть говорить миру музыкальными звуками всё о человеке».

Образ няни сохранился в памяти и был запечатлён в фортепианном цикле «Из воспоминаний детства» — в пьесе «Няня и я», в незаконченной пьесе «Первое наказание» с подзаголовком «Няня запирает меня в тёмную комнату». Няня появится и в песнях вокального цикла «Детская»: «С няней», «В углу», «На сон грядущий», написанных на собственный текст и, судя по содержанию, отразивших собственные детские впечатления. Так, в первой же песне мы встречаемся с одним из главных

героев нянюшкиных сказок — страшным букой, обитающим в тёмных комнатах и пожирающим непослушных детей. Бука, как и серый волк, был в те времена у нянек весьма успешным, действенным «воспитателем». Недаром современник Модеста писатель Михаил Михайлов посвятил ему целую главу в повести «Святки», которая так и называется: «Бука». Страшились дети этого таинственного персонажа отчаянно. Вот, например, в песне «С куклой» из цикла «Детская» девочка, убаюкивая куклу Тяпу и старательно подражая няне, пугает её: «Тяпу бука съест, серый волк возьмёт, в тёмный лес снесёт!» Именно там, в лесу, как повествует Мусоргский в песне «С няней», бука поедает детей, «грыз он их белые косточки». А «дети те кричали, плакали». Сильное впечатление для ребёнка, которому порой приходилось в тёмной комнате сидеть, где встреча с букой была очень даже возможна, особенно если у ребёнка, как у Модеста, богатое воображение (помните: «...бывало, от них [сказок] не спал по ночам»). Не случайно малыш просит няню всё-таки не рассказывать про буку, а вспомнить другую, смешную, сказку. Их нянюшка знала немало и охотно сказывала мальчику на сон грядущий. А на сон грядущий полагалось и молитву прочитать. Братья были этому хорошо обучены, недаром Закон Божий постигали с помощью Симеона Васильевича, священника Одигитриевской церкви, и дьячка Бабинина, исправно посещали службы, пели в церковном хоре. Обязательный для детей вечерний ритуал Мусоргский воспроизвёл в юмористической песенке из цикла «Детская», которая так и называется — «На сон грядущий». Девочка читает вечернюю молитву, благостные интонации которой сопровождают озорные, «вприпрыжку» аккорды. Прилежное и обстоятельное поначалу поименование всех родственников, особенно «бабушки старенькой, бабушки добренькой», которых Господь должен «спасти и помиловать», постепенно переходит через двоеточие и запятые в перечисление-скороговорку взхлёб, на одном дыхании многочисленных имён «тётей», «дядей», мальчишек — «и Фильку, и Ваньку, и Митьку, и Петьку» (пренебрежительно), девочек — Дашу, Паню, Соню, Дуняшку (уважительно). Только своё имя в этом

бесконечно длинном списке забыто, но добросовестно произнесено: «Господи, помилуй и меня, грешную!» после ворчливого напоминания няни с ожиданием подтверждения и одобрения: «Так? нянюшка?»

Доводилось мальчикам, Модесту и Филарету, и в углу постоять. Они жили привольно, могли набедокурить. На няню, бывало, обижались. Не всегда наказание оказывалось адекватно проступку, которого, может быть, и вовсе не было. Именно таково содержание песни-сценки «В углу». Возможно, Мусоргский вспомнил в ней историю, случившуюся с ним самим: няня напрасно его в угол поставила, ведь он «был паинька», «был умница», а «клубочек размотал котёночек, и пруточки разбросал котёночек». Мелодия звучит здесь такая мягкая и пушистая! А на словах «няня злая, старая», у которой к тому же ещё и «чепчик на боку», она становится колючей. Обиженный мальчик «больше не будет любить свою нянюшку, вот что!»

Детские годы Модеста и Филарета проходили в компании дворовых и крестьянских ребятишек. Родители-дворяне не исповедовали строгую социальную иерархию и не препятствовали общению с простонародьем. Мусоргский вспоминал, как он любил в детстве собирать грибы и как радовался, найдя хорошее грибное место. Поэтому, конечно, были и совместные походы за грибами, и купанье в озере (особенно бурное, когда Китó с размаху нырял с берега так, что «волны поднимались страшные и всё водное царство стонало»), и ловля рыбы. Вот этого развлечения Модест всю жизнь терпеть не мог. Будучи взрослым, вспоминая о рыбной ловле, говорил, что «надо ловить сетью, чтобы не мучить понапрасну рыбу, надо вообще избегать делать больно какому бы то ни было живому существу».

Любили мальчишки всевозможные подвижные игры. Модест хорошо знал их, помнил и некоторые воспроизвёл в музыке. Сочиняя фортепианную пьесу «Детские игры» («Уголки»), представлял, как ловко нужно было перебежать из одного угла в другой, чтобы ведущий (мышка) не занял его прежде тебя, иначе быть тебе водилой-мышкой, пока не захватишь свободный уго-

лок у зазевавшегося игрока. Весёлые детские игры он изобразил в опере «Борис Годунов», используя для этого народные тексты. Их затевают в царском тереме сын Бориса Годунова Феодор и мамка (няня), чтобы развеселить горюющую об умершем женихе дочь царя Ксению. Мамка заводит игру песенкой-потешкой «Как комар дрова рубил», а Феодор продолжает её «Сказочкой про то и про сё» со смешными, нелепыми словами: «Как курочка бычка родила, поросёночек яичко снёс». Поют, стоя друг напротив друга, постепенно сближаясь, бьют в ладоши всё быстрее, всё задорнее, пока удар одного из участников по плечу и выкрик «Хлёт!» не завершит игру.

Нравы и характеры мальчишек Модест знал хорошо, наблюдал их, запоминал и воссоздавал в музыке ярко и живо. Вот в опере «Борис Годунов» мальчишки дразнят Юродивого и отнимают у него копеечку. Совсем небольшой эпизод, а как колоритны и абсолютно реальны уличные сорванцы!

Всю жизнь родная деревня Карево давала Мусоргскому богатый материал для творчества: дети, взрослые — все становились для него объектами наблюдения, изучения, воссоздания в музыке. «Наблюдал за бабами и мужиками — извлёк аппетитные экземпляры <...>. Всё сие мне пригодится, а бабы экземпляры — просто клад. У меня всегда так, я примечу кой-каких народов, а потом, при случае, и тисну».

«Начальную школу игры на фортепиано преподавала мать...», — пишет Мусоргский в «Автобиографической записке». «Моя мать была святая женщина», — говорил он. «Деликатностью, мягкостью, утончённой благовоспитанностью, всем этим я обязан матери». Любовь к матери была огромным, всепоглощающим чувством. Сила этого чувства с годами возрастала всё более. Мать становилась для Модеста олицетворением истинной сущности женской натуры. Её образ, который он всю жизнь бережно хранил в своей памяти, вдохновил на воссоздание глубокой жертвенной любви Марфы в опере «Хованщина», наложил свой отпечаток на образы женщин в колыбельных песнях. Какой неизбывной нежностью и лаской начинает светиться музыка Мусоргского, даже самые мрачные её страницы, когда в ней звучит

голос матери! Вот в песне «Гопак» (слова Т. Шевченко в переводе Л. Мея) пьяная баба разухабисто выплясывает, выкрикивает в диком хмельном угаре бранные слова в адрес мужа «старого да недюжего», ему «кукиш тычет». Но вдруг буйный ритм пляса сменяется мягким покачиванием, жёсткие аккорды-диссонансы растворяются в певучих ласковых созвучиях, визгливые октавные выкрики-скачки голоса превращаются в нежную лирическую мелодию: «Только, старый, не грехи, колыбельки колыши, вот так!» Будто луч солнышка рассеял мрак, и грубое лицо бабы-пьяницы осветила тёплая улыбка женщины-матери. Слова о колыбельке повторяются всё спокойнее, нежнее, с пожеланием композитора — *«постепенно замедляя и затихая»*...

Кончина матери в 1865 году стала для Модеста таким страшным потрясением, что близкие люди всерьёз опасались за его психику. Он катался по полу, истерические рыдания переходили в дикий хохот, и в итоге Мусоргский запил. Филарет вспоминал об этом времени: «В 65 году осенью [брат] сильно захворал, подготавлилась ужасная болезнь (*delirium tremens*) [белая горячка]...»

Юлия Ивановна Мусоргская получила хорошее образование. Знала языки — французский и немецкий, неплохо играла на рояле, любила и читала наизусть Пушкина, Бенедиктова, Лермонтова, писала альбомные стихи. Из Петербурга выписывались ноты: этюды Черни, Крамера, Мошелеса, сонаты Моцарта, Бетховена, Вебера. Отец, по словам Модеста, «обожавший искусство», играл на гитаре, пел романсы, любил слушать народные песни. Так что музыка в доме звучала постоянно. Мать, преподавшая детям первые уроки игры на рояле, выписала для них учительницу-немку, которая познакомила мальчиков с некоторыми элементарными сведениями по теории музыки. Модест рано проявил музыкальную одарённость, а заодно и некоторую строптивость. Вспоминал, что «в течение уроков он не мог выносить того, что предписано». Тому, «что предписано» в музыкальных правилах, он будет, кстати, неоднократно сопротивляться и в будущем. Тем не менее музыкальное развитие, по его словам, «пошло так успешно, что уже на 7-летнем возрасте он играл неб[ольшие] со-

чинения Листа, а на 9-летнем в большом обществе, в доме своих родителей он сыграл б[ольшой] конц[ерт] Фильда»¹.

Казалось бы, перед Модестом открывался путь в профессиональное музыкальное искусство. Но профессия музыканта считалась недостойной для человека дворянского сословия. Отец к этому времени твёрдо решил дать своим сыновьям военное образование, причём в одном из лучших учебных заведений — Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. С этой целью в августе 1849 года он отправился с ними в Петербург.

ПЕТЕРБУРГ

Петришале (1849–1851)

Согласно обычаю, дети в дворянских семьях до 10–12-летнего возраста обучались дома. Мусоргский не оставил никаких воспоминаний о домашних уроках, но, судя по всему, братья неплохо были подготовлены к поступлению в столичное учебное заведение. Однако в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, о которой мечтал отец, принимали лишь с 13-летнего возраста, поэтому 10-летний Модест и вместе с ним проваливший вступительные экзамены Филарет в 1849 году поступили в Петербурге в Главную школу Святого Петра лютеранской общины — Петришале.

Школа находилась на Невском проспекте и располагалась в большом красивом трёхэтажном здании с колоннами перед входом, построенном в 1760 году. Это было гуманитарное учебное заведение, свободное от военной муштры, одно из старейших подобного рода в России. Учились в нём в основном дети состоятельных иностранцев — немцев, французов, итальянцев. Учёба велась на немецком языке. В первых четырёх младших

¹ В «Автобиографической записке» Мусоргский пишет о себе в третьем лице.

М. П. Мусоргский. С портрета работы И. Е. Репина (1881)

«Подлинная оценка Мусоргского — задача будущего времени, будущих поколений».

В. В. Стасов

«Мусоргский доньше не объяснён, да и вряд ли будет объяснён до конца, поскольку гений — всегда тайна, — он для нас вечно живой. А его творчество — вечная загадка».

Г. В. Свиридов

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИУМФ	3
КАРЕВО	6
Детские годы (1839–1849)	6
ПЕТЕРБУРГ	15
Петришуле (1849–1851)	15
Пансион А. А. Комарова (1851–1852). Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1852–1856)	19
Гвардейский Преображенский полк (1856–1858)	27
В доме А. С. Даргомыжского	29
Новые музыкальные друзья. Перелом	31
«...Новый период моей музыкальной жизни...»	37
Коммуна. «Салáмбо»	48
Мусоргский и «Могучая кучка»	53
«Маленькие пьесы». «Народные картинки»	62
Музыкальная публицистика	70
«Ночь на Лысой горе»	78
«Рубикон перейдён». Начало пути	82
«БОРИС ГОДУНОВ». ХРОНИКА ТВОРЧЕСКИХ СОБЫТИЙ (1868–1874)	85
Первая редакция (1868–1869)	85
«БОРИС ГОДУНОВ». ЭТАПЫ СЦЕНИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ	108
Этап первый — в ожидании вердикта	108
Творческое интермеццо. «Детская».....	110

Этап второй. «Опера эта не одобрена...»	114
Вторая редакция (1870–1872)	115
Этап третий. «Одобрено к представлению».	
Отказ	120
Этап четвёртый. «На Мариинском театре...	
в 1-й раз сцены из оперы...»	128
Этап пятый. «...На сцене целиком	
при потрясающем успехе...»	132
Этап шестой. Последний.	
Критическое послесловие	139
«КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ»	143
«ЗЛАЯ СМЕРТЬ, КАК КОРШУН ХИЩНЫЙ...»	151
«Забытый»	151
«Песни и пляски смерти»	157
«ХОВАНЩИНА».	
НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА	165
«...Ей же начало Вами дано...»	165
Дела житейские	170
«...А живу я ноне в „Хованщине“...»	172
«Две оперы разом!»	178
«Русь уходящая». Портретная галерея	184
«Русь уходящая». Народ	199
Концерты. «...Триумф художественный	
учинился...»	210
«...К НОВЫМ БЕРЕГАМ...»	220

Научно-популярное издание
Серия «Жизнь великих композиторов»

Аверьянова Ольга Ивановна
МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ

Редактор *К. Кондахчан*
Худож. редактор *А. Рязанцев*
Корректор *Г. Умнова*
Вёрстка *С. Леонова*

Формат 60x90/16. Объём печ. л. 15,0
Изд. № 17772 (АО «Издательство «Музыка»)
Изд. № 0050 (ООО «ГАММА-ПРЕСС»)

АО «Издательство «Музыка»
123001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 2/46, стр. 1
Тел.: +7 (499) 254-65-98, +7 (499) 503-77-37
www.musica.ru

ООО «ГАММА-ПРЕСС»
123056, Москва, ул. Красина, д. 27, стр. 2
Тел.: +7 (499) 254-91-30
www.gamma-press.ru